

Точка зрения

Лев КУЛИДЖАНОВ:

КИНО. ВРЕМЯ. МИР

ПОЗДРАВИВ Льва Александровича с юбилеем от имени редакции и читателей «Известий», я добавил, что почта нашей газеты наряду с письмами на самые разные темы приносила и приносит отклики на его фильмы. Совсем недавно читательница Г. Плотнокова из Ростовской области, размышляя о том, чем удерживать, как закрепить молодежь в современном селе, вспомнила давнюю его картину «Отчий дом». Правда, фильм этот — о деревне 50-х годов, но в том-то и сила яркого произведение искусства, что оно перешагивает через годы и остается интересным, злободневным также и в наши дни.

Впрочем, интересными и посвоему злободневными остаются и «Дом, в котором я живу» (совместно с Я. Сегелем), и навсегда запомнившаяся особой чистотой и добротой лента «Когда деревья были большими». Мы увидели обыкновенную жизнь и обыкновенного человека в их необыкновенности — этим они и покоряли.

А затем — «Синяя тетрадь», работа над образом Ленина. Владимир Ильич показан в сложнейший момент жизни, в канун Октября. Он ведет один из самых острых своих идейных поединков, страдает, убеждает соратников и себя. И растет в нем, укрепляется уверенность: исторический поворот созрел... Лирик, мастер задушевной интонации, Кулиджанов выступил и как историк, философ. Его палитра приобретает многоцветье. И становится закономерным подступ к новой вершине — к эпическому киноповествованию о Карле Марксе.

— Фильм о молодом Марксе полюбили. А сейчас вы живете новым замыслом — многосерийной эпопеей «XX век»...

— Это трудно назвать многосерийным фильмом, скорее, это цикл фильмов, объединенных единой мыслью — и не только принадлежностью изображаемых событий к двадцатому веку, а попыткой кинематографического осмысления главного из того, что произошло в нашем столетии. Скажем, фильм, в центре которого будет революция 1905 года, охватит Второй съезд РСДРП, русско-японскую войну, декабрьское вооруженное восстание, революцию в Мексике, события в Китае, Иране, — словом, многослойный комплекс мира в первом десятилетии века. В цикле об НТР мы покажем научно-технический прогресс — от широкого распространения телефона до геной инженерии. То есть наряду с историческими событиями, которые могут составлять канву одного из циклов, будут как бы и тематические картины. А вместе они должны осмыслить столетие, в котором мы живем.

— Кто вместе с вами участвует в этой работе?

— Опытные журналисты и кинематографисты Г. Боровик, В. Игнатенко, В. Кузнецов, К. Славин, другие мои коллеги, большое число научных консультантов. Сценарий всех двадцати частей уже завершается. К созданию первого фильма приступаем в ближайшее время.

— Это будет целиком документальная лента?

— Видите ли, кинематограф сопровождает нашу жизнь с самого начала этого века. Мы даже думаем о вступлении, своеобразной оде кинематографа,

благодаря которому фактически запечатлена человеческая история в XX столетии. И все-таки это не будет только документальное повествование — скорее, художественно-философское исследование.

— С конкретными героями, переходящими из части в часть?

— Не исключено. Та или иная история может прослеживаться на биографии известного человека. И без актеров нам тоже не обойтись.

— Правильно ли будет заключить, что для вашей творческой биографии характерно движение от сюжетов в некотором роде камерных к фильмам большого политического и исторического звучания?

— Скажем проще. Я никогда не делал фильмов, которые назывались бы замкнутыми одной человеческой биографией. Другое дело, что получалось... В данном случае мне тоже хочется как можно больше проследить человеческих судеб: ничто так не отражает свое время, как человеческая судьба, как человек, как личность. Во-вторых, такого рода кинематографом я в известной степени занимался — у меня есть «Звездная минута» о Юрии Гагарине, это не документальный фильм и не художественный, а нечто другое.

— Ваша новая картина будет телевизионной, как фильм о Марксе, или...

— Это будет просто фильм. Конечно, между кино- и телевизионными фильмами имеются некоторые различия. Например, в серийности и связанных с ней ритмом съемок и монтажа, в соотношении крупных, средних и общих планов. Есть разница и в восприятии кинозрелища в

домашних условиях и в кинотеатрах — там действует эффект коллективности восприятия. Но это не разрушает родовых, видовых признаков кинематографа как искусства. Я не разделяю «концепций», будто массовое распространение телевидения отодвигает кино на вторые роли. Общественное значение кино определяется не техникой производства и показа фильмов, а их доступностью, популярностью, характером воздействия. Не важно, на чьи средства сделан фильм, был бы он хорош. С этой точки зрения если телевидение и отбрасывает у кинотеатров некоторую часть зрителей, то оно же и небывало расширяет аудиторию кинематографа.

— Когда, по-вашему, можно сказать, что фильм хорош? Кстати, что лично вы считаете творческим достижением художника?

— Недавно показывали «Неизвестного Чаплина». Вот это и есть хороший фильм. Это действительно новаторство, хотя все в нем происходит пять и шесть десятилетий назад. Придумать новое вообще удается редко. Неоднократно доказано: ни одна самая высокая тема, никакие самые изобретательные съемки не делают фильма — его делает лишь степень раскрытия в нем человеческого характера. Что же касается слова «художник»... Конечно, следует стремиться к тому, чтобы творческий состав того или иного вида искусства включал в себя больших мастеров. К сожалению, это бывает не всегда, и когда я слышу заявления: «Мы как художники...», всегда хочется перебить: «Положи, что скажут о тебе другие...» Так что если говорить о творческом достижении, например, режиссера кино, то это значит сделать фильм во всех отношениях современный, понимая при этом современность как своевременность. Искусство, коль скоро оно искусство, выражает время. И художник, коль скоро он художник, как бы пропускает

время через свою личность, свое мировоззрение.

— В последнее время вышли фильмы на современную тему, — к примеру, «Надежда и опора», «Магистраль», «Дублер начинается действовать», — критика относит их к достижениям...

— Это разные по стилю фильмы, с неодинаковым соотношением достоинств и недостатков. Но их, конечно же, выделяет острая постановка актуальнейших вопросов развития общества. Главное — показаны люди, которые, столкнувшись с недостатками и нерешенными задачами, не сидят с гримасой недовольства на лице, а действуют, ведут активную борьбу. Но до духовных спутников зрителей образы эти все же не поднялись. Между тем именно властителя дум ждет зритель от многонационального нашего кино.

— Вы сказали: многонационального... Это не означает, конечно, сумму национальных кинематографий — речь идет о большом советском кино с присущими ему интернациональными и национальными чертами.

— Однажды в Чехословакии молодой режиссер спросил меня: что есть главная особенность, уникальность советской кинематографии? Я ответил: многонациональность. Мы редко задумываемся над этим действительно феноменом, с одной стороны, а с другой — над процессами, которые происходят внутри нашей многонациональной кинематографии. Представьте себе общую картину советского кино, изъяв из нее, скажем, кино грузинское или киргизское, уже трудно. Будучи в Литве и выступая перед своими избирателями, я вспомнил, что несколько лет назад на международном фестивале в Швейцарии советская кинематография была представлена литовским фильмом «Девочка и эхо» режиссера Жебрюнаса. А ведь сама Швейцария не имеет национальной кинематографии... Когда начался Ташкентский фестиваль и туда начали ездить не только критики из Азии, Африки

и Латинской Америки, но и из Европы, то многие из них признавались, что открыли для себя в Советской Средней Азии новый кинематографический континент. Это одна из причин, почему Ташкентский фестиваль сегодня — один из самых авторитетных в мире.

— Несмотря на отсутствие призов...

— Я думаю, что именно это и хорошо: нет нездорового ажиотажа, зато дискуссии всегда бывали интересными. Очень хороший фестиваль, и не только потому, что наши братья-узбеки — гостеприимные люди, но и потому, что он не элитарный, наподобие фестивалей в Каннах, а чрезвычайно демократичный, почему и рвутся на него и такие мощные кинематографии, как японская, и совсем еще новички.

— Лев Александрович, вы — первый секретарь правления Союза кинематографистов СССР. Вы были и председателем оргкомитета по созданию союза: 20 лет вы стоите во главе этого большого творческого коллектива — можно так называть союз?

— Конечно, наш союз — сложный и многоотраслевой организм. Работа, которую мы ведем, разнообразна, но цель ее в конечном счете — создание творческой среды, коллектива единомышленников, стоящих на передовых мировоззренческих и гражданских позициях. Мы должны помогать людям творить, а если надо — осознать свои ошибки и не повторять их. Вместе с Госкино мы проводим важные мероприятия — так, недавно состоялось выездное заседание секретариата правления в Новосибирске, в нем принимали участие, кроме кинематографистов, ученые, партийные работники, строители... Проводим мы и систематические встречи по профессиям в наших домах творчества (их надо строить, чем мы тоже занимаемся)...

— От творчества до строительства?

— Вот именно. А возьмите дискуссию вокруг проекта школьной реформы. Надо заду-

маться над тем, каково место кинематографа в воспитании народа. Если представить себе аудиторию, то легко можно пересчитать ее в ответственность. Речь идет о всеобщем эстетическом образовании, в котором кинематограф играет первостепенную роль, ибо за ним остается сила массовости. И все это работа союза. Не говоря уже об обширнейших международных связях.

— На днях вы напечатали в нашей газете статью о первом космонавте Земли. В ней вы высказали тревогу в связи с действиями врагов мира...

— Это сегодня самая большая тревога любого честного человека. Как подчеркнул Константин Устинович Черненко, мы должны делать все от нас зависящее, чтобы предотвратить ядерную катастрофу. Вашингтонские режиссеры НАТО хотят нарушить равновесие сил, клещут на нас. Уместно вспомнить, что сам термин «империя зла» переключался в политический лексикон из кино и что именно кино используется для обработки общественного мнения, нагнетания военного психоза. Казалось бы, вконец исчерпал себя пресловутый Джеймс Бонд. Но в наши дни этот политически-кинематографический труп спешно реанимирован и предстал в фильме о том, как Советы задумали якобы взорвать ядерную бомбу в Западной Германии... Сам президент США объявил Бонда символом сегодняшней политики Белого дома. Вот уж действительно: скажи, кто твой герой... В этой ситуации нам нужен новый уровень активности в борьбе против нарастания военной опасности. Надо сделать все возможное для консолидации миролюбивых сил кинематографа. У нас есть убедительные аргументы, показывающие истинные цели советской внешней политики, ее гуманизм, миролюбие. Важно, чтобы эти аргументы чаще и лучше использовались в творчестве.

Беседу вел
Георгий МЕЛИКЯНЦ.